

НЕОБЫЧНАЯ КОМЕДИЯ

В репертуаре **Малого театра** (сцена на Ордынке) снова значится пьеса «**Красавец-мужчина**», к которой «Дом Островского» в последний раз обращался ровно сорок лет назад.

Подобная столь длительная пауза объясняется, наверное, не отсутствием интереса труппы к этому, не имеющему громкой сценической судьбы (правда, успешно экранизированному в 1978-м) произведению своего любимого автора. А, вероятно, ожиданием подходящего случая для того, чтобы оно «прозвучало» в полную силу.

И для этого не найти лучших дней, чем наши, с их культом материальных ценностей. А тема власти денег над душами людей является одной из главных и в творчестве Островского вообще и в «Красавце-мужчине» в частности. Поэтому в сегодняшнем зрительном зале пьеса «отзывается» наиболее отчетливо.

Но, согласно принятой в Малом театре традиции, режиссер **Василий Федоров** и художник **Андрей Сергеев** явную актуальность пьесы специально не подчеркивают. А просто предлагают нам посредством своего спектакля на три часа мысленно переместиться во вторую половину XIX века (пьеса датирована 1882-м годом).

Ради этого они, как и положено, одевают действующих лиц пьесы Островского в костюмы, стилизованные под ту далекую эпоху. Соответствующий прием соблюдается создателями спектакля и в оформлении, самой существенной деталью которого становится находящееся в центре игровой площадки зеркало.

В него в кульминационные моменты происходящего в Бряхимове действия главные герои смотрятся не для того, чтобы поправить туалет или прическу. А словно хотят разглядеть в себе нечто новое, ранее им самим неведомое.

Зоя Васильевна Окоёмова — Л. Милюзина, Наум Федотыч Лотохин — Д. Кознов

И этот философский момент несколько не осложняет восприятие рассказанной театром истории. Тем более, как нередко бывает у Островского, ее нельзя считать комедией в обычном понимании. И вопреки тому, что порой она приобретает еще и откровенно фарсовые черты, ей не чужды драматические, а подчас и вовсе трагические «тона».

Ведь герой спектакля, Аполлон Евгеньевич Окоёмов в своей неумной погоне за баснословными капиталами с достойной циркового жонглера ловкостью позволяет себе распоряжаться чужими жизнями. И тут совсем не важен пол тех, кто мешает ему получить вожденный результат, этот расчетливый «красавец-мужчина», не задумываясь, переступит через любого.

Конечно, жертвами Окоёмова чаще всего оказываются впечатлительные особы женского пола (к примеру, законная супруга Зоя Васильевна или молодая вдова Сусанна Сергеевна Лундышева). Но иногда некой разменной «картой» в за-

теянной Окоёмовым «игре» становится какой-нибудь недотепа, вроде землевладельца средней руки Федора Петровича Олешунина, чью абсолютно чистую любовь к Зое в угоду своим корыстным интересам буквально, если так можно выразиться, растаптывает Окоёмов. Фрагмент, когда Олешунин осознает всю нелепость своего положения, — едва ли не самый пронзительный в спектакле. Происходит это благодаря исполнителю роли **Алексее Коновалову**, чья работа — одна из удач спектакля, из числа участников которого стоит также отметить **Ольгу Пашкову** и **Дмитрия Кознова**.

Пашкова ролью экстравагантной, предприимчивой Сосипатры Семеновны продолжает органично осваивать новое для себя «пространство» характерных, возрастных ролей. А Кознов и вовсе ощущает себя здесь как рыба в воде, кажется, наслаждаясь самой возможностью произнесения текста Островского. Но при этом не забывает акцентировать наше внимание на мудрости и пронизатель-

Сцена из спектакля

Сцена из спектакля

ности своего Наума Федотыча Лотохина, уверенного в изначальном несовершенстве природы человека, как правило, не умеющего или не желающего делать верные выводы из жизненных «уроков».

Жаль, что пока немного зажат **Александр Волков**, которому для полноценного воплощения образа циничного Никандра Семеныча Лупачева не хватает остроты внешнего «рисунка» и каких-то внутренних парадоксальных ходов. Хотя в принципе это понятно — роль-то наделенному положительным обаянием Волкову дана, что называется, «на сопротивление» и для его преодоления необходимо время.

Не все ладится и у **Максима Хрусталева**, который сейчас играет Аполлона Окоёмова, опираясь в основном на внешние эффекты. Это особенно очевидно в его дуэтных сценах с **Лидией Милузиной**, которая с большим чувством ведет доверенную ей режиссером «партию» Зои Окоёмовой.

«Партию» сложную. Все-таки в начале пьесы Зоя — почти девочка, смотрящая на своего очаровательного мужа сквозь «розовые очки», но, чем ближе финал, тем яснее проступают в ее характере черты женщины волевой, сильной, преодолевшей множество испытаний, однако при этом еще не потерявшей надежды на обретение настоящего счастья. Но осуществима эта мечта лишь при одном условии — Аполлон должен исправиться.

Исходя из логики спектакля, такое вряд ли возможно. И мы понимаем, что ждать каких-либо позитивных перемен Зое не имеет смысла.

Вывод мало утешительный, зато верный. Избавляться от иллюзий тяжело, но полезно, иногда даже необходимо. В конце концов, не это ли советуют нам Александр Николаевич Островский, а вслед за ним и Малый театр?

Мария КИСИНА
Фото Николая АНТИПОВА